

Гринь Максим Валентинович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Кубанского государственного аграрного университета

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация:

Статья посвящена анализу политической составляющей глобализации. На основании анализа деятельности ряда основных глобальных институтов и организаций (ТНК, ООН, МВФ и др.) автор приходит к выводу, что политические механизмы глобальных процессов во многом обеспечивают течение экономических процессов в их определенном русле. Уделяется внимание взаимодействию политических и экономических структур через связи правительственных деятелей и руководства крупных международных корпораций. Определяется особая политическая роль западных стран как субъектов глобальных процессов. Основной вывод автора – политическое измерение глобализации играет в ней не менее существенную роль, чем экономическое.

Ключевые слова:

глобализация, интернационализация, интеграция, ТНК, государственные структуры, GR-подразделения, «суперкласс».

Grin Maxim Valentinovich

PhD in Law,
Assistant Professor, Criminal Law Department,
Kuban State University of Agriculture

GLOBALIZATION: SOCIO-POLITICAL ASPECTS

Summary:

The article analyzes a political constituent of globalization. Studying the activity of some main global institutions and organizations (multinational corporations, U.N.O., International Monetary Fund, and others), the author comes to the conclusion that the political mechanisms of global processes mainly support economic processes in their specific course. Special attention is paid to the interaction of political and economic structures by relations of public authorities and leaders of major international corporations. The specific political role of the western countries as subjects of global processes is determined. The main conclusion of the author is that the political dimension of globalization is as important as the economic one.

Keywords:

globalization, internationalism, integration, multinational corporations, state structures, GR-subdivisions, "superclass".

Знаковое явление современности – глобализация представляет собой довольно многозначное явление, имеющее целый ряд составляющих. Многие ученые в качестве базового фундамента определяют экономические аспекты мировых процессов, что особенно присуще марксистскому подходу (мир-системный анализ), а также некоторым либеральным трактовкам (В. Иноземцев, Дж. Стиглиц). Ряд исследователей считают глобализацию в первую очередь культурным явлением (Дж. Розенау, А. Аппадурай). В то же время некоторые известные ученые, как, например, признанный классик современной социологии Э. Гидденс, полагают, что глобализация представляет собой более хаотичный процесс с малоопределенными основаниями и перспективами. Вместе с тем довольно распространенной точкой зрения является тезис о размывании функций национального государства в условиях глобализации. В данной статье мы намерены задаться вопросом – так ли это?

Признавая определенное рациональное зерно всех упомянутых интерпретаций глобализации, мы полагаем, что в ней скрыта основательная политическая сущность, близко примыкающая и тесно связанная с ее экономическим базисом. В частности, российско-канадский исследователь О. Арин, во многом приверженец марксистской методологии, отмечает исторический характер процессов объединения мира, при этом выделяя особый смысл именно глобализации – исключительно современного явления, заявившего о себе лишь после крушения социалистической системы. Вместе с тем зачастую под глобализацией рассматриваются процессы, имеющие принципиально иной смысл, что затрудняет выяснение истины. Так, примерно с конца XIX в. заявил о себе «объективный процесс глобального экономического взаимодействия в сфере торговли, капиталов и финансов» [1, с. 332], или *экономическая интернационализация*. Данный процесс имеет циклический характер и вовсе не ведет к размыванию национальных экономик. Нестабильная международная обстановка второй четверти XX столетия привела к свертыванию мировой торговли, которая вновь стала нарастать после Второй мировой войны, достигнув небывалого размаха в 70–80-е гг., что дало толчок новому явлению – *региональной интеграции*. Это уже новое явление, принципиально отличающееся от первого тем, что если интернационализация стремится к максимальному расширению географических рамок, то интеграция, наоборот, сужает их при значительном нарастании ее интенсивности и глубины [2, с. 333]. Интеграционные

анклавы возникали в разных местах, но в наиболее развитой форме – в странах Европы, что в настоящий момент проявляется в форме ЕС.

Глобализация, по мнению О. Арина, появляется с начала 90-х гг. и представляет собой процесс контроля и управления всеми видами экономической деятельности в мировом масштабе в интересах стран Запада [3, с. 342]. Объективным выражением глобализации выступают крупные компании, филиалы и подразделения которых рассредоточены по всему миру. Весь этот конгломерат подразделений вполне подвержен регуляции, вопреки мнению некоторых авторов. Как утверждает О. Арин, контролирующие институты и регулирующие учреждения находятся внутри стран Первого мира. Усиливающаяся экономическая гибкость как раз и требует более жесткой координации в рамках «трех центров экономики, то есть США, Японии, Западной Европы, а если шире, то в недрах «семерки» ведущих стран Первого мира».

Из этих рассуждений следует, что глобальная регуляция требует основательного государственного участия, что, соответственно, предполагает усиление правительственных институтов в странах – лидерах глобализации. Кроме того, ряд важнейших глобальных институтов (МВФ, ТНК) сочетают в себе экономические и политические функции, и временами трудно определить, какие из них доминируют. Неслучайно многие авторы (И. Валлерстайн, Д. Харви, К. Крауч) анализируют деятельность подобных организаций с позиции политэкономического подхода.

Ю. Яковец считает, что в современной политической реальности четко просматривается тенденция формирования пятиэтажной пирамиды властных отношений. В ее основании находятся *муниципальные образования* как низовые административные единицы, наиболее близко стоящие к населению и его проблемам. Следующий этаж составляют *региональные образования* (республики, края, области, округа, штаты и т. п.), полномочия которых могут существенно различаться в зависимости от формы государственного устройства – федерации, унитарного государства. Центральное звено данной пирамиды представлено главным носителем государственного суверенитета – *национальным государством*, осуществляющим общественные функции по защите страны и представлению ее интересов в мире. Разумеется, что геополитические статусы конкретных стран могут сильно различаться, что обусловлено размерами территории, численностью населения, экономической мощью, культурным богатством и т. п.

Но со второй половины XX в. усиливающиеся процессы глобализации привели к формированию двух верхних этажей государственной пирамиды – *цивилизационного* и *глобального*, принявших на себя часть функций национальных государств. Цивилизационный уровень, как считает Ю. Яковец, очевидно проявляется на пространстве Западной и Центральной Европы, где имеет место Европейский союз, представляющий межгосударственное структурное образование со всеми основными институтами государства – законодательной властью (Европарламент); исполнительными органами: Советом министров ЕС, Комиссией ЕС, выполняющей правительственные функции; общими экономическими институтами (единая валюта, центральный банк, безвизовый режим, единое таможенное пространство, общая налоговая, инвестиционная, социальная, экологическая политика). Имеются и другие цивилизационные объединения – Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Содружество Независимых Государств (СНГ), Южноамериканский комитет развития, Западноафриканский экономический и валютный союз и др., где уровень передачи функций национальных государств заметно ниже. По мнению ученого, именно ЕС служит моделью цивилизационных межгосударственных образований, усиление которых представляется ему неизбежным [4, с. 229–231].

Наконец, помимо цивилизационного существуют явные признаки формирования самого верхнего, глобального этажа пирамиды властных отношений. Как констатирует Ю. Яковец, здесь пока не сложилась единая система межгосударственных институтов, подобно складывающейся в Европейском союзе. Хотя ряд элементов подобной системы явно имеет место, которые президент Международной социологической ассоциации (МСА) Альберто Мартинелли предпочитает обозначать через термин МПО – международные правительственные организации, в которых ведущая роль принадлежит ООН [5, с. 14]. Организация Объединенных Наций имеет ряд государствообразующих структур. Это законодательный орган – Генеральная Ассамблея, исполнительные органы – Совет Безопасности, Генеральный секретарь ООН; отраслевые и функциональные органы – Экономический и социальный совет и ряд других органов [6, с. 232].

Глобальные политические организации стремятся функционировать на определенной идейно-концептуальной основе. Так называемая политика предупредительной безопасности (позже более известная как концепция предупредительной дипломатии) предполагает предупреждение намечающихся конфликтов между или внутри государств. Сформированная в 1973–1975 гг. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) представляет собой постоянно действующий международный форум представителей 33 европейских государств, а также США и Канады для выработки мер уменьшения военного противостояния и укрепления безопасности в Европе.

Как представляется, в качестве своеобразного дополнения к подобной модели может служить рассмотрение политической роли организаций, созданных для решения вопросов мировой экономики. Речь идет об экономических функциях ТНК, МВФ, Всемирного банка, ВТО. Интересно, что практически все авторы, касающиеся проблем глобального мира, констатируют расширение сферы компетенций этих институтов, далеко перешагнувших рамки собственно хозяйственной сферы.

Так, Международный валютный фонд заявил о себе в 70-х гг. прошлого столетия, будучи созданным с целью сглаживания экономических проблем в основном в развивающихся странах в связи с финансовым кризисом, вызванным повышением цен на нефть. Однако политика МВФ по предоставлению кредитов четко основывается на комплексе требований, выполнение которых является условием получения кредита. Речь идет о структурной перестройке экономики, для чего предполагается применение мер политического характера – снятие ограничений со всех видов экономической деятельности и максимальное высвобождение рынка. Результат подобных мер – увеличение государственного долга, существенные социальные издержки в виде резкого падения жизненного уровня населения, роста количества безработных и усиление социально-экономического расслоения общества. В силу этого деятельность МВФ подвергается жесткой критике со стороны даже умеренного сторонника глобализации, известного экономиста Дж. Стиглица [7].

Авторы коллективной монографии «Современный глобальный капитализм» вполне резонно пишут о политических следствиях деловых связей с МВФ для национальных государств. Неизбежно «в стране, осуществляющей преобразования по схемам МВФ, по сути, появляется новая власть, контролирующая деятельность правительства в сфере экономики». При этом популярный тезис о том, что иностранные инвестиции способствуют развитию национальной экономики, на практике зачастую не подтверждается. Более того, вполне возможна обратная ситуация – «полученные средства использованы впустую или просто разворованы. Но это еще полбеды. В случае, если иностранный капитал вкладывается на условиях заимствования, то государство обременяется значительным долгом. Проблемы с его обслуживанием могут мешать проведению независимой политики и способствовать потере самостоятельности страны» [8, с. 79–80]. Несмотря на то что правительства охотно отводят МВФ роль «козла отпущения» и редко предпочитают брать на себя вину за непопулярные меры необходимых реформ, это не избавляет их от ответственности. Как справедливо считают упомянутые авторы, изначальные трудности с платежным балансом, заставляющие государственных лидеров обращаться за помощью в МВФ, возникают вследствие их ошибочной политики или неблагоприятных внешнеэкономических факторов еще до использования «рецептов» фонда [9, с. 71–72].

Напрашивается вывод, что ухудшение внутренней социально-экономической обстановки вызывается как действиями национальных лидеров, так и влиянием международных экономических организаций, и в конкретных ситуациях степень их «вины» может варьироваться. Вероятно, поэтому в теории глобализации проявляются две линии, оппонирующие друг другу. Так, согласно первой (М. Делягин) объективно национальные государства мало что могут противопоставить глобальному капитализму, лишь принимая его правила игры. По второй (М. Кастельс) выбор в конечном счете остается за государством, а следовательно, с него и следует спрашивать.

Кроме официальных международных организаций существенным политическим фактором могут служить экономические субъекты, имеющие национальную привязку. Речь идет о ТНК. Если объективно рассматривать их современное состояние, то не представляется возможным обойти их неэкономические функции.

Немецкий социолог У. Бек не без оснований усматривает в природе ТНК сочетание экономических и политических компонентов и стремлений. Он полагает, что могущество и стратегический потенциал международных предприятий зиждутся на возможности основательного вторжения (при том, что не нарушается никакое законодательство и все происходит в рамках обычной деловой активности) в жизненные пространства современных национально-государственных образований, при этом навязывая правительственным структурам своеобразные правила игры [10, с. 13–14].

В то же время ряд авторов (К. Крауч, М. Делягин, Ф. Бобков, Е. Иванов, Ю. Яковец, Д. Роткопф и др.) справедливо отмечают наличие национальной привязки у транснациональных корпораций. К. Крауч констатирует, что даже «транснациональные гиганты сильно ограничены в возможностях менять одну страну на другую в поисках самых низких налогов и минимальных требований по части трудового законодательства – этому препятствует сложившаяся структура инвестиций, кадров и деловых связей». Кроме того, переезд закономерно связан с большими затратами, которых лучше избежать [11, с. 52]. Однако национальная принадлежность крупных экономических субъектов имеет явный уклон в сторону индустриально развитых стран, что вполне закономерно. Так, по данным М. Делягина, 500 наиболее крупных ТНК обладают гигантской долей (80 %) в международной торговле технологиями и управленческими услугами. Из них 407 относятся к странам «большой семерки». 24 тыс. международных корпораций располагают свои

штаб-квартиры в 14 наиболее богатых странах мира [12, с. 255]. Еще более конкретизированную картину дает американский ученый Д. Роткопф. Из выявленных им 106 мегакомпаний, имеющих объем продаж свыше 50 млрд долл., 38 базируются в США (например, «Дженерал Моторс» с доходами 177 млрд долл., «Вол-Март» – 167 млрд долл., «Эксон Мобил» – 164 млрд долл., «Форд» – 163 млрд долл.), 53 – в Европе и еще 8 – в Японии. Данное обстоятельство, по мнению названного исследователя, отражается на приоритетах крупного бизнеса и связях с ним государственных структур [13, с. 61].

Проблема взаимоотношений между ТНК и государством должна рассматриваться в двух аспектах: отношения ТНК и ее родины, отношения ТНК и принимающей страны [14, с. 93].

Что касается первого аспекта, то здесь очевидна существенная политическая подпитка крупного бизнеса, что достаточно весомо раскрывается приверженцами марксистской методологии. Например, И. Валлерстайн уверен, что своим масштабным успехам крупные предприниматели обязаны именно государству. Последнее обеспечивает условия для ведения предпринимательства, а шире – содействует образованию монополий, явно ограничивающих свободный рынок. В качестве основных механизмов, находящихся в распоряжении государства, И. Валлерстайн называет установление юридических рамок, субсидиарную деятельность, а также поддержание внутреннего порядка [15, с. 89–90].

Предоставление государственных субсидий может происходить в разных формах. Типичной является открытая финансовая поддержка. Например, правительство В. Путина осенью 2011 г. предприняло шаги по поддержанию близких российским властям сырьевых компаний (200 млрд долл. из валютного резерва), при этом урезав расходы на науку, образование, высокие технологии [16, с. 42]. Проявлением государственной субсидиарной политики следует считать создание так называемой инфраструктуры, объектов общего пользования для ведения бизнес-деятельности. Затраты на создание этой инфраструктуры обычно ложатся на всех налогоплательщиков, часто в ней не заинтересованных. Помимо этого, все общество, как правило, вынуждено принимать на себя экологические последствия производственной деятельности.

В то же время нельзя не отметить, что между ТНК и его «родным» правительством имеются и противоречия. Прежде всего они заметны в налоговой сфере – стремление руководства корпораций заплатить меньше налогов естественно приводит к снижению источников доходов родного государства. Кроме того, снижая собственные издержки, ТНК могут «выносить» производство в страны с более дешевой рабочей силой, что сокращает рабочие места на «родине».

Что касается рассмотрения взаимоотношений ТНК и принимающей страны, то здесь основным противоречием выступает стремление обеих сторон к получению максимальной выгоды от сотрудничества [17, с. 98]. Для международной компании это в основном возможность сократить издержки (дешевая рабочая сила, налоговые льготы и т. д.), для принимающей страны – возможность инвестиций, размещения передовых технологий и производственных мощностей и т. п. При этом если транснациональная корпорация оказывается в экономическом и финансовом плане сильнее принимающей страны (что бывает нередко, поскольку в качестве последней часто выступают развивающиеся страны), то шансы первой для формирования благоприятной здесь для себя ситуации возрастают. В то же время, помимо безусловных издержек для принимающей страны, последняя получает и определенные выгоды от сотрудничества с международными компаниями, особенно если эта страна относится к категории «развивающихся». ТНК, независимо от их желания, содействуют ее индустриализации, способствуя размещению современных производств невысокой или средней технологической сложности [18, с. 110].

В целом конкуренция между странами за прямые иностранные инвестиции обостряется, что отмечается большинством экспертов по проблемам глобализации. Во многом в связи с этим, прежде чем размещать капитал в конкретной стране, корпоративное руководство определяет, насколько сложившиеся в этой стране условия отвечают его критериям. При этом основное внимание уделяется скорее политико-правовой, чем экономической ситуации. Верхушку международной компании, как правило, интересуют степень политической стабильности, законодательная база для деятельности ТНК, наконец, отношение к деятельности ТНК со стороны общественности. Как полагают многие авторы, этим объясняется то обстоятельство, что большая часть прямых инвестиций компаний США приходится на Европу, тогда как европейские компании предпочитают размещать капиталы главным образом в США [19, с. 102].

Однако всем вышеперечисленным политическая деятельность ТНК отнюдь не исчерпывается. Ряд ученых указывают на весьма активное участие крупного капитала в политической жизни, что полностью отвечает логике капитализма, выявленной марксизмом. Ведь залогом победы в конкуренции, порожденной капиталистическим способом производства, обычно становится поддержка

такого мощного союзника, как государственные структуры. Это обстоятельство стоит рядом с другим распространенным приемом обеспечить себе перевес в рыночной конкуренции – концентрацией капитала, или монополизацией, что обычно достигается при помощи политических рычагов.

По всей видимости, именно с этим связано появление в управленческих структурах современных крупных корпораций специфических подразделений общественных отношений, или GR (Government Relations), нацеленных на формирование комплекса политических связей, в первую очередь – с органами государственной власти в центре и на местах. Перед GR-подразделениями стоят задачи изучения общего социально-политического контекста, выявления политических и социально-экономических приоритетов компании, разработки пожеланий и требований к властям, налаживания контактов с ними. Явно неслучайно, что современные политические центры притягивают к себе крупные экономические субъекты. Например, в США большинство крупных корпораций имеют офисы в Вашингтоне, а в «столице» Европейского сообщества – Брюсселе размещено более 700 представительств ведущих европейских фирм.

По данным А. Кочеткова, GR-подразделения обычно создаются в том случае, если объем ежегодных инвестиций в экономику конкретной страны превышает 60 млн долл. Деятельность GR-подразделений любой фирмы, при всей ее значимости, считается закрытой темой. Как правило, эксперт по связям с правительственными органами использует следующие формы деятельности для достижения необходимого результата:

- донесение подготовленной в компании информации до нужного государственного лица (чиновника) с целью учета подготовленных позиций в готовящемся документе и / или выработки политических решений;

- влияние – процесс корректировки позиций профильных центральных органов власти, зачастую через столкновение позиций различных институтов принятия политических решений [20, с. 164–167].

Кроме традиционных неформальных способов – лоббирования и коррумпированности чиновников, ширятся и вполне легальные меры воздействия. Американский ученый Дэвид Харви указывает на создание корпоративных политических комитетов, которые финансируют политические партии в обмен на проведение политической линии, соблюдающей интересы данной корпорации. Число этих комитетов стремительно растет. Если в 1974 г. их было 89, то через восемь лет их количество возросло до 1 467 [21, с. 70].

Британский социолог Колин Крауч пишет о том, что в современных условиях принципиально поменялись тип и модель политической партии, для которой более важной становится поддержка крупных компаний вместо широкой социальной базы. Это еще один важный канал установления связи корпорации с государственными структурами. Руководство компании финансирует решение ряда текущих проблем партии, таких как организация опросов общественного мнения, пиар-компания, предвыборная агитация и т. п., что, естественно, осуществляется в обмен на послушную интересам корпорации политику партии в случае ее прихода к власти. Партийные советники зачастую принимают участие в опекающую партию компанию на работу в качестве штатных лоббистов. Отсюда в современном политическом мире доминирует модель партии как узкой политической элиты [22, с. 94]. Сходные выводы высказывает американец Дэвид Роткопф, утверждая, что современные политики зависят от своих спонсоров в гораздо большей степени, чем от реальных избирателей [23, с. 226]. Это укрепляет тенденции классовой преемственности в политике. Так, из 435 человек состава Палаты представителей США более четверти (123 члена) являются миллионерами. Еще большая доля миллионеров в американском Сенате – 40 % [24, с. 128].

Как пишет К. Крауч, руководящее ядро партии-корпорации окружают многочисленные советники, лоббисты. При этом, как правило, между этими группами имеет место механизм постоянных переходов или ротации кадров, что американский исследователь Д. Роткопф назвал принципом «вращающейся двери». Причем этот механизм действует и на уровне целых государств и крупнейших корпораций, вполне естественно порождая глобальные последствия. Сложившиеся политико-экономические круги активно действуют в направлении открытия границ, ослабления регулирования (особенно со стороны периферийных государств), снижения налогов [25, с. 556–557].

Меняющие друг друга политики и топ-менеджеры составляют ядро «суперкласса» – своеобразной мировой элиты, которой Д. Роткопф посвятил целую монографию с красноречивым названием «Суперкласс. Те, кто правит миром». Существование суперкласса, этой своеобразной «единой человеческой сети», обеспечивается как деловыми, так и личными связями, которые закрепляются на ежегодном (начиная с 1971 г.) экономическом форуме в Давосе, где главным образом и вырабатывается глобальная повестка дня [26, с. 382]. По мнению названного ученого, именно здесь фактически готовятся решения, имеющие значение для судеб глобального мира.

Неслучайно Президент Международной социологической ассоциации (МСА) Альберто Мартинелли серьезно озабочен недостаточной функциональной адекватностью международных

правительственных организаций, среди которых на первый план выходит ООН. «Эти международные органы не контролируются регламентированными процессами, что имеет место в демократических государствах. ... они далеки от избирателей, но легко доступны корпорациям» [27, с. 17]. Если продолжить мысль цитируемого ученого, то, учитывая тесное переплетение экономических и политических структур, можно предположить факт воздействия на МПО определенных национальных интересов.

Ряд исследователей (Р. Гейтс, О. Арин) весьма скептически настроены в отношении международных организаций, призванных регулировать глобальные отношения на равной взаимовыгодной основе. По их мнению, на первый план неизбежно выдвигаются национальные государства, обладающие определенным экономическим и военным потенциалом. Роберт Гейтс пишет: «Как со всей очевидностью продемонстрировали ОБСЕ, НАТО и ООН, ни одна международная организация – нигде – не может быть эффективной в решении серьезных потенциальных конфликтов, пока не найдется одна страна, которая возьмет на себя ответственность и бремя лидерства, а другие захотят следовать за ней» [28, с. 398]. Иллюстрацией подобных размышлений может служить неспособность ОБСЕ остановить ряд конфликтов после саморазрушения социалистической системы. Так, конфликт в Югославии был прекращен фактически посредством силового вмешательства США, а шире – контролируемого им блока НАТО. При этом разрешительная стадия конфликта имела далеко не компромиссную, но антисербскую направленность.

На основании вышеприведенных рассуждений мы намерены в целом солидаризироваться с тезисом упомянутого О. Арина о том, что в ходе глобализации не всегда происходит снижение роли национальных правительств. Действительно, объективная реальность показывает, что все обстоит намного сложнее. Если иметь в виду правительства развивающихся стран, то они, на самом деле, мало что могут противопоставить глобальному капиталу, как правило становясь его марионетками. Совсем наоборот обстоят дела с развитыми странами, выполняющими роль субъектов глобализации. Здесь государственная власть еще усиливается, поскольку нередко приходится заявлять о своих интересах на весь мир, например защищая интересы национального бизнеса. И получается, что весь этот вроде бы неконтролируемый международный бизнес и потоки финансов быстро становятся вполне контролируемыми, если начинают представлять угрозу конкретным национальным интересам. Политическая составляющая глобальных процессов так же актуальна, как и экономическая.

Ссылки:

1. Арин О.А. Мир без России. М., 2002. 480 с.
2. Там же. С. 333.
3. Там же. С. 342.
4. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001. 346 с.
5. Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу). Ч. I // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 3–14.
6. Яковец Ю.В. Указ. соч. С. 232.
7. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. 304 с.
8. Современный глобальный капитализм / Ф.Д. Бобков, Е.Ф. Иванов, А.Л. Свечников, С.П. Чаплинский. М., 2003. 351 с.
9. Там же. С. 71–72.
10. Бек У. Что такое глобализация? (Ошибки глобализма – ответы на глобализацию). М., 2001. 304 с.
11. Крауч К. Постдемократия. М., 2010.
12. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации : курс лекций. М., 2003. 768 с.
13. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. 480 с.
14. Современный глобальный капитализм. С. 93.
15. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. 368 с.
16. Кива А.В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 42–51.
17. Современный глобальный капитализм. С. 98.
18. Богомолов О.Т., Некипелов А.Д. Глобализация и кризис мирового экономического порядка // Труды Фонда Горбачева. М., 2001. Т. 7. 432 с.
19. Там же. С. 102.
20. Кочетков А.П. Корпоративные элиты. М., 2012. 220 с.
21. Харви Д. Краткая история неоллиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. 288 с.
22. Крауч К. Указ. соч. С. 94.
23. Роткопф Д. Указ. соч. С. 226.
24. Там же. С. 128.
25. Тамбиянц Ю.Г. «Открытое общество»: идеология и реальность. Краснодар, 2014. 600 с.
26. Роткопф Д. Указ. соч. С. 382.
27. Мартинелли А. Указ. соч. С. 17.
28. Цит. по: Арин О.А. Указ. соч. С. 398.

References:

1. Arin, OA 2002, *World without Russia*, Moscow, p. 480.

2. Arin, OA 2002, *World without Russia*, Moscow, p. 333.
3. Arin, OA 2002, *World without Russia*, Moscow, p. 342.
4. Yakovets, YV 2001, *Globalization and the interaction of civilizations*, Moscow, p. 346.
5. Martinelli, A 2002, 'Markets, Governments and global governance (reports of XV Congress). Part I', *Sociological researches*, no. 12, pp. 3-14.
6. Yakovets, YV 2001, *Globalization and the interaction of civilizations*, Moscow, p. 232.
7. Stiglitz, J 2003, *Globalization: disturbing trends*, Moscow, p. 304.
8. Bobkov, FD, Ivanov, EF, Svechnikov, AL & Chaplinskiy, SP 2003, *Contemporary global capitalism*, Moscow, p. 351.
9. Bobkov, FD, Ivanov, EF, Svechnikov, AL & Chaplinskiy, SP 2003, *Contemporary global capitalism*, Moscow, pp. 71-72.
10. Beck, U 2001, *What is globalization? (Errors of Globalism - the answers to globalization)*, Moscow, p. 304.
11. Crouch, K 2010, *Post-democracy*, Moscow.
12. Delyagin, MG 2003, *The World Crisis: The General Theory of Globalization: lectures*, Moscow, p. 768.
13. Rothkopf, D 2010, *Superclass. Those who rule the world*, Moscow, p. 480.
14. Bobkov, FD, Ivanov, EF, Svechnikov, AL & Chaplinskiy, SP 2003, *Contemporary global capitalism*, Moscow, p. 93.
15. Wallerstein, I 2004, *End familiar world: Sociology of the XXI century*, Moscow, p. 368.
16. Kiva, AV 2011, 'Diversity of Russian modernization', *Social studies and the present*, no. 1, pp. 42-51.
17. Bobkov, FD, Ivanov, EF, Svechnikov, AL & Chaplinskiy, SP 2003, *Contemporary global capitalism*, Moscow, p. 98.
18. Bogomolov, OT & Nekipelov, AD 2001, 'Globalization and the crisis of the world economic order', *Proceedings of the Gorbachev Foundation*, Moscow, vol. 7, p. 432.
19. Bogomolov, OT & Nekipelov, AD 2001, 'Globalization and the crisis of the world economic order', *Proceedings of the Gorbachev Foundation*, Moscow, vol. 7, p. 102.
20. Kochetkov, AP 2012, *Corporate elite*, Moscow, p. 220.
21. Harvey, D 2007, *A brief history of neoliberalism. Current reading*, Moscow, p. 288.
22. Crouch, K 2010, *Post-democracy*, Moscow, p. 94.
23. Rothkopf, D 2010, *Superclass. Those who rule the world*, Moscow, p. 226.
24. Rothkopf, D 2010, *Superclass. Those who rule the world*, Moscow, p. 128.
25. Tambiyants, JG 2014, *"Open Society": ideology and reality*, Krasnodar, p. 600.
26. Rothkopf, D 2010, *Superclass. Those who rule the world*, Moscow, p. 382.
27. Martinelli, A 2002, 'Markets, Governments and global governance (reports of XV Congress). Part I', *Sociological researches*, no. 12, p. 17.
28. Op. by: Arin, OA 2002, *World without Russia*, Moscow, p. 398.